

г. Тамбов

Поиск

День медленно, нехотя уступал место подкрадывающейся ночи. Сумерки незаметно сгущались. И вот в один миг потемнело, всё вокруг как бы скрылось.

Софья Николаевна не любила это время суток: в темноте она ощущала тревогу, предчувствие беды. Но тут зажглись уличные фонари, и она спокойно задёрнула шторы, села в кресло, включила настольную лампу на журнальном столике и взялась за вязание.

Маленькая Сонечка уже давно спала в своей кроватке, а её старшая сестра Люба всё ещё ворочалась в постели, пыхла, вздыхала. Вдруг она села и позвала бабушку:

– Бабулечка, миленькая, хорошенькая, не хочу я спать. Ну, ни крошечки, ни капелюшечки. Пожалуйста, расскажи мне сказку.

Софья Николаевна отложила вязание, сняла очки и укоризненно посмотрела на Любу, которая сидела на диване с распущенными волосами. Голубоватые цветочки на ночной пижаме девочки оттеняли голубизну её широко открытых больших глаз в пушистом оперении ресниц. Софья Николаевна улыбнулась, пересела на диван к Любе и тихо спросила:

– Что же тебе рассказать, детка?

– Самую главную сказку, – Люба придвинулась к бабушке и прижалась к ней.

– Это какую сказку ты считаешь главной?

– Ну, как ты не понимаешь, бабушка, – самую главную, жизненную сказку.

– Это какую же? – чёрные густые брови Софьи Николаевны взметнулись вверх, и она с удивлением посмотрела на Любу. – Придумает же такое – жизненную. Где ты только такое услышала?

– Как это где? Мне молодая бабушка – баба Надя сказала.

– Интересно, что же такое она могла тебе сказать? Какую сказку она назвала главной?

– Софья Николаевна лихорадочно вспомнила сказки, которые она рассказывала когда-то своей дочери.

– Она сказала, что ты знаешь сказку о том, как ты её нашла и о всей нашей жизни. А это же главная сказка, правда, бабуля? – Люба доверчиво заглядывала в погрустневшие и задумчивые бабушкины глаза.

– Да, детка, это самая главная моя сказка. Только поймёшь ли ты? Не заснёшь? – Но Софья Николаевна уже не ждала ответа. События давно минувших дней нахлынули на неё, и ей надо было с кем-то поделиться, кому-то рассказать всё. А более благодарного и внимательного слушателя, чем правнучка Люба, ей не найти. И она начала свой рассказ:

– Было это очень и очень давно, когда я была моложе вашей мамы Веры. Я познакомилась с молодым офицером...

– А как ты познакомилась? – перебила Люба и тихонько толкнула её в бок.

– О, это интересная история. Мы с подругой были в парке, там и встретились.

– Вы пришли туда одни? И вы не боялись, что вас заставят нюхать травку или насильно увезут в машине?

– Тогда было другое время и о наркоманах мы не знали. Их, вероятно, было мало, так же, как и машин. Вам, современным, нас трудно понять.

– Какое хорошее и интересное было время. Прости, бабушка, я не буду больше перебивать. Рассказывай, что было дальше.

– Весь вечер мы гуляли по парку. Шутили, смеялись. Он был похож на сказочного принца: стройный, с пышной русой копной волос, голубоглазый весельчак. Ему очень шла форма. Он понимал это и был в ударе. Оказалось, что он только что получил петлички – «кубари» после окончания училища. Тогда погон не было. После прогулки он проводил нас домой. На второй день мы с подругой спорили: кто из нас ему понравился. После третьего свидания я получила от него письмо с признанием и предложением стать его женой. И я должна была отве-

гить ему только да или нет. Когда он вошёл к нам в квартиру, то я громко выкрикнула «Да!» и от страха, что он засмеётся надо мной, заплакала. Он подхватил меня на руки и закружил по комнате.

– И вы сразу занялись секс-любовью, да, бабуля? – безразличным тоном спросила Люба.

– О боже! В твоём возрасте ты знаешь о сексе?!

– Ты отстала, бабулечка. Телик чему хочешь научит. Да нам и в школе это преподают. «Спринцовка» все уши просифонила с этим сексом, даже надоела.

– Как?! В пятом классе?! – поразилась Софья Николаевна. – И что это за «спринцовка»?

– Это наша училка. Да не бери ты в голову. Сейчас век атома, всё так быстро меняется. Нам в третьем классе об этом пытались говорить, да никто ничего не понял. Бабуля, а поцеловать-то тебя он осмелился? – Из любопытства девочка вылезла из-под одеяла, глазёнки её озорно заблестели.

– При всех? Ну что ты, только руки. Это было потом, когда остались одни. Через неделю мы расписались и уехали в его часть в приграничный городишко на берегу большой реки. Там и родилась наша Натэлла.

– Это баба Надя была?

– Да, она. Натуся такая хорошенькая росла, точь-в-точь, как наша Сонечка.

– Ну да?! – недоверчиво протянула Любуша. – Баба Надя такая...

– Такой она стала позже, – не дала ей договорить Софья Николаевна. – Ты слушай, а то не буду рассказывать.

– Слушаю, слушаю я, – Люба покрепче прижалась к бабушке.

– Мы жили тогда весело, дружно, – вздохнув, продолжила Софья Николаевна и поправила одеяло на девочке. – Да, Любушка, тогда люди были намного добрее и умели радоваться любой мелочи. Были, конечно, и подлецы – без них не было бы доносов, не было бы и войны, а каждая война озлобляет людей, оставляет неизгладимые рубцы в людских душах. Поэтому некото-

рые люди, в основном слабые духом, становятся чёрствыми. А в то время ещё не было той жестокой войны и все радовались мирной, спокойной жизни. Знаешь, когда Натусе исполнилось пять лет, то отец принёс ей живой подарок – маленького щеночка овчарки.

– Такого, как наш Рекс? – поинтересовалась Любуша и посмотрела на собаку, безмятежно развалившуюся на коврик у Сонечкиной кровати.

Услышав своё имя, собака тотчас подняла голову и вопросительно посмотрела в их сторону, как будто спрашивала, что им от неё нужно. Софья Николаевна тоже посмотрела на собаку, как бы сравнивая с той, довоенной, и вновь вздохнула.

– Похожий, только моложе был. Но за полгода он хорошо подрос, с Натуськой были неразлучны, как два ребёнка-одногодки. Она его Натом назвала. Бывало, зовёшь её с улицы, а он первый прибегает. Говорю ему: «Ты чего примчался? Где твоя хозяйка? Веди её». Он покрутит головой, соображая, как ему поступить, и убежит, а через какое-то время тащит за подол платья сопротивляющуюся Натусю. Столько смешных историй было с ним. Но всё это кончилось в один страшный день – началась война. Всех нас, женщин и детей, погрузили на катер и повезли к железнодорожной станции, чтобы отправить в глубь страны. Дело было к вечеру. Грузились в спешке и взять с собой ничего не успели. Я всё переживала, во что мне Натусю одевать. А через час налетел на нас самолёт, сбросил бомбу, и очутились мы в воде. Барахтаемся, мечемся, ищем своих детей. Но в том водовороте мало кому посчастливилось – слишком прожорливой оказалась водная пасть. Очнулась я на берегу – кто-то помог выбраться. Мало оказалось спасшихся пассажиров с катера. Я каждый кустик обшарила в надежде, что Натуся жива. Сутки вылавливали трупы и складывали в общую могилу – там рядом деревня была, жители помогали. А потом дошли до моста – он уцелел при налёте, – и начался наш крестный ход: война долгой оказалась, и каждому предназна-

чено было нести свой крест. А после войны я перебралась поближе к тем местам и устроилась работать в райцентре. Каждую годовщину ездила в ту деревушку на общую могилку – говорили, что позже туда ещё кого-то хоронили. Разумом я понимала, что Натуси нет в живых, а сердце не хотело мириться с этим. И в церкви молилась о ней, как о живой. В очередной раз я собиралась ехать, но заболела, провалялась месяц в больнице и не попала на годовщину. Зимой такая тоска на меня налетела – места себе не нахожу. Какие-то тревожные сны снятся, а проснусь – ничего не помню. И вот на её день рождения собралась я в дорогу. А тут на счастье мост достроили, а то всё на лодке переправлялись. Поехала я на попутной машине. Доехали до моста, а она возьми да остановись – сломалась. Решила я сократить путь и перебраться через реку по льду наискосок. Спустилась к реке и не знаю, как мне выйти на лёд: кругом снега по пояс. Шагнула вперёд и чувствую, что под ногой вода и я проваливаюсь. И в этот момент кто-то налетел на меня и сшиб с ног. Подняла я глаза и вижу огромную собаку голову, а поодаль стоит пожилой, с седой бородой мужчина, протягивает мне руку и говорит: «Ты что, дочка, утонуть решила? Тут же полынья». Вытащил он меня. А собака скулит, и то побежит вперёд, то вернётся к нам. Хозяин усмехнулся: «Верный, ты что, гостью в дом зовёшь? Молодец, ей обсохнуть надо, а то сразу в сосульку превратится». Пошли мы по тропинке: собака впереди бежит, а мы за ней. И вдруг собака исчезла, как сквозь землю провалилась. Я сделала остановку. А мужчина прошёл вперёд и меня подбадривает: «Не бойся, дочка, иди за мной. Мы в землянке живём». Спустились мы в землянку, а там темно, только свет исходит от железной печурки. Мужчина заправил керосиновую лампу, и я осмотрелась: помещение было просторное, по стенкам стояло несколько топчанов, а возле одного, на котором кто-то лежал, стоял самодельный стол. Собака скулила возле этого топчана, пытаясь лизнуть в лицо лежащего. Пёс подбежал ко

мне, ухватил за полушубок и потянул к топчану. Хозяин прикрикнул на него: «Не балуй, Верный! А ты, дочка, давай разоблачайся: скидывай с себя одежду, обувь и поближе к огню садись, а то простуда быстро влезет в тебя, а выгнать оттуда не так легко. Вон, внучка моя подхватила её, лихо манку, неделю уж как мается. Вот ходил за медичкой, да не застал». Я сняла полушубок, спасающий меня от лютых морозов ещё с военной поры, валенки, набухшие от воды, и поставила их на тёплые кирпичи у чугунной буржуйки. Мои ноги так заledenели, что не чувствовали тепла. Я стала их усиленно растирать. Хозяин подал мне меховые самодельные тапочки – ноги окунулись в пушистый мех, и по телу разлилось блаженное тепло. Вдруг сзади послышался какой-то шорох, я обернулась увидела, как Верный тащит в угол мою походную сумку. Меня осенило, почему он меня тянул – от сумки пахло медикаментами, как и от моей шубы. Я подошла к топчану, там лежала девочка с изуродованным перекошенным лицом. Поверх серого солдатского одеяла была наброшена солдатская шинель. Подошедший старик бережно приподнял её за плечи, напоил тёплым травяным отваром и вновь уложил. Он горестно качал головой: «Какая беда-то – жар не спадает. Сгорит она, не выдержит организм, сгорит». Девочка шевелила губами, что-то пытаясь сказать. Я соображала, чем ей помочь. Мой взгляд упал на ведро с холодной водой, и мгновенно пришло решение: обёртывание! Я повернулась к старику: «Мне нужна простынь или большая тряпка». Старик поспешил в угол, где стояли ящики и чемоданы. Из самого большого чемодана он достал большую голубоватую простынь и протянул мне. Я удивлённо посмотрела на неё – такое постельное бельё я видела в Германии. Хозяин заметил моё удивление. «Это нам в наследство от немцев вместе с блиндажом досталось. Думал, что Надейке в приданое пойдёт, а оно вон как оборачивается». – Он отошёл к стене, на которой висел маленький образок, и стал что-то шептать. Высокий и очень худой, ссутулившись,

он то протягивал руку к иконе, то неумело крестил себя. Мне стало жаль его, как будто это был мой отец. Смочив в холодной воде и туго отжав простыню, я с трудом стащила мокрое, прилипшее к телу девочки старенькое платице, быстро обернула сложенной в два слоя простыней и укутала в свой полушубок, да ещё набросила одеяло. Девочка перестала метаться, затихла. Старик заволновался: «Ты что же это с ней сотворила? Застудила мне внучку! Как я без неё жить буду?» «Не волнуйтесь, отец. Так температуру сбивают. Я всю войну прошла с госпиталем. Да и так же лечила свою дочку. Доверьтесь мне и успокойтесь. Она теперь часа два будет спать, а вы меня чаем пока попоите, а то я ещё не отогрелась – в кузове машины холодновато было ехать». «В кузове?! Да как же ты совсем не окоченела? – сокрушался хозяин. – Ты садись к печурке, а я стол пододвину сюда. – Он передвинул стол, поставил на него большой алюминиевый чайник, солдатские алюминиевые кружки. – Пей, дочка, отогревай душу, – улыбнулся хозяин, подавая мне полную кружку травяного настоя. – Тут и душица, и мята, и зверобой. А душица – это душевная травка. Меня Иваном Кузьмичом зовут. А ты к кому в наши места приехала?» – Кузьмич улыбался глазами, и лицо его преобразалось, в нём появлялась святость. «Мне в Ершовку надо. А зовут меня Софья Николаевна» «В Ершовку? Уж не на братскую ли могилку?! Ваши все летом туда приезжают». «Да, туда. Летом болела, а потом работа не отпустила. У дочки день рождения завтра. Вот тоска и пригнала меня сейчас». «Да-а, тоска – штука вредная, с ней трудно бороться. Меня вот Надейка спасает: подойдёт, подержит ручонки на плечах, и вся усталость, хворь уходят». С топчана послышалось тихое «Ма...» Кузьмич поспешно встал и шагнул туда. Он нежно гладил девочку по лицу и тихо приговаривал: «Спи, моя радость, спи, моя золотая рыбка. И маму твою найдём. Правда, Верный? – обратился он к собаке, которая стояла передними лапами на топчане и лизала девочку в щёку. Старик прищипнул на неё: – Цыц ты,

не мешай ей спать, сон из неё всю болячку выгонит, – он отогнал собаку и сел к печурке, помолчал немного, а потом философски произнёс: – Ты только подумай, Николаевна, какая силища у природы: даже после разрыва пуповины связь матери с дитём так и остаётся. Бывает так: бросит мать ребёнка, а тяга к ней остаётся на всю жизнь. Не к отцу, а к матери. И когда кто-то говорит, что не вспоминает мать, – не верь им, они лукавят. Вот моя Надейка девять лет живёт без матери, а не было ни одной ноченьки, чтобы не позвала её. Только два слова и может говорить, но какие! – “Ма” и “На”. Так и зову её Надежкой». Я удивлённо смотрела на него. «Да-да, не может она говорить. От страха это у неё». Что-то тревожное шевельнулось в моём сердце, но мне было так тепло, так спокойно в этой землянке рядом с добрым и умным стариком, с этой несчастной девочкой и всё понимающей собакой, что не хотелось даже шевелиться. Казалось, что пришёл конец всем бесконечным поискам, нескончаемому потоку писем, отсылаемым во все детдома. Такое блаженство я испытывала только до войны, когда муж приходил со службы и Натуська садилась на диван между нами и читала новую сказку – уже с четырёх лет это у неё прекрасно получалось. «А как же вы оказались в блиндаже, Иван Кузьмич?» «Война растреклятая подняла всех с мест и разбросала по всей матушке России. С соседнего района шли мы, да жене занеможилось дюже, вот и остановились мы в доме, который стоял на этом месте. Паромщик со своей жинкой тут жил. Пошёл я в посёлок раздобыть немного харчей, своих-то не успели взять. И только ушёл, как слышу стрельбу у реки. Я назад. Подхожу – в хате немцы, а рядом с оградой лежат паромщик с жинкой, моя жинка с нашей доношкой и внучкой. Остолбенел я. А фриц суёт мне в руки лопату и орёт: “Шнель арбайт, шнель!” Закопал я их под деревом и дал деру оттуда, чтобы самого не прихлопнули. Дошёл до камышей и слышу – собака скулит. Я тихонько-тихонько подкрался и вижу неподвижную маленькую девочку всю в свежих

шрамах. А собака сидит рядом, лижет её раны и поскуливает жалобно». При этих словах сердце моё замерло, хотелось спросить: «Во что она была одета?», но я боялась спугнуть надвигающееся на меня счастье. Рядом с собой я почувствовала тёплое дыхание – это собака села у моих ног. Я погладила её по голове, тихонько шепнула: «Нат, какой же ты верный и надёжный друг». Собака положила свою лобастую голову мне на колени и от удовольствия зажмурила глаза. Иван Кузьмич удивлённо произнёс: «Это ж надо, как вы нас расположили к себе: и я разговорился, а уж Верный совсем ошалел. Он же никого к Надейке не подпускает». «Что же было дальше, Иван Кузьмич?» – мне хотелось знать всё до мельчайших подробностей. «А что дальше? Дождались мы темноты и добрались до деревни, добрые люди приютили нас. Надейку подлечили. А когда немцы уходили, то деревню ту спалили, вот мы и перебрались в этот блиндаж. Так и живём тут. Деревня отстраивается, а мы – стар да мал – сидим и не рыпаемся. А что дальше будет, одному Богу известно. Вот только бы нам эту хворь победить. А Надейка-то никак проснулась?» – старик встал. Я тоже поспешила к топчану. Девочка не спала и с любопытством смотрела на меня. Я просунула руку под шубу, простыня была сухая и не горячая. «Кузьмич, во что переодеть её?» «А вот рубаха солдатская, она ей в самый раз», – он подал большую длинную белую рубаху. Я стала развёртывать девочку. На теле моей Натуси были две родинки, и мне хотелось найти их у Нади. Но у неё на правом плече, на месте родинки был большой шрам, а вот на груди родинка была. Сомнений не было: передо мной сидела моя Натуся. Мне бы закричать, броситься целовать её – именно такой я представляла встречу с моей малышкой. Но я видела взрослую девочку с израненной душой, не испугать бы её ещё

раз. Я прислонила девочку к высокой соломенной подушке, укрыла одеялом. «Тебе посидеть надо, чтобы в лёгких не было застоя. Давай поупражняемся с тобой в надувании шариков. Набери больше воздуха и дуй через губы». Я хотела показать, как это сделать: глубоко вздохнула... и в этот момент Надя стукнула меня по щекам своими худыми ручонками и громко, счастливо засмеялась. Она обняла меня так, как могут это делать только дети: как будто приклеиваясь к тебе или втираясь в твою плоть. Мы так долго сидели молча. В тот момент я поняла, что самое великое счастье – это когда ты рядом с дорогим тебе человеком и понимаешь его без слов.

Софья Николаевна посмотрела на притихшую Любу, потрогала её торчащий из-под одеяла носик, та пошевелилась.

– Бабулечка, а что было дальше?

– А дальше была другая сказка.

– И рассказывать её будем мы! – послышалось от двери, в проёме которой стояли баба Надя и мама Вера.

1998 г.

Купить книгу

[planeta-knig.ru/shop/1265/
desc/za-svoej-sudboj](http://planeta-knig.ru/shop/1265/desc/za-svoej-sudboj)

